УДК 27-36:81'37

Л. Н. Мишина (*Магнитогорск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В «ЖИТИИ СВЯТОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ»

Аннотация. Исследование человека является одним из наиболее актуальных направлений современной гуманитарной науки. В центре внимания ученых находится человек во всех проявлениях, в том числе и его эмоциональное состояние. Эмоции как способ взаимодействия людей с миром привлекают внимание психологов и физиологов; вызывают они интерес и у лингвистов. Особенности вербализации эмоций исследуются на различном материале. В данной статье в качестве материала выступает созданное в конце XX века «Житие святой Ксении Петербургской». Выбор жития продиктован интересом, который в конце XX – начале XXI в. вызывает в российском обществе православная церковь, ее возможность выступить в роли нравственного ориентира. Жития святых – это наименее нормированный жанр церковной литературы, авторы которого могут использовать близкий к разговорной речи язык, что делает его понятным и близким читателю. Описание эмоций, свойственных всем без исключения людям, в том числе и святым, может помочь читателю увидеть героев житий как обычных людей, которые живут рядом с ним; и позволяет создать образ не идеального, не «схематического», но живого человека, жизненный путь которого может служить образцом для подражания. Анализируется пласт эмотивной, оценочной лексики, который используется автором для создания необходимого эффекта в тексте «Жития святой Ксении Петербургской». В числе основных методов использовались: методы контекстуального и семантического анализа. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что для передачи эмоционального состояния героини агиографического произведения используются те же приемы, что и для обозначения эмоций обычных людей. Это помогает читателю воспринять святую Ксению Петербургскую как земного человека, ставшего святым благодаря своей искренней вере.

Ключевые слова: эмотивная лексика, оценочные слова, эмоция, эмоциональное состояние, житие, агиография

Житие – это жанр церковной литературы, рассказывающий о жизни и духовных подвигах канонизированных святых. Безусловно, жития являются описанием жизни людей, выдающихся с точки зрения церкви, однако все их поступки, мысли и чувства должны были быть если и не близки, то понятны читателю / слушателю агиографических текстов [5; 6]. Именно поэтому в житиях можно встретить не только описание религиозного подвига святого, но и характеристику его отношений с окружающими, краткие зарисовки его повседневной жизни или описания его (или его близких) эмоционального состояния. Наличие подобных фрагментов в агиографической литературе позволяет читателю увидеть святого как живого человека, а не рассматривать его как недостижимый идеал; позволяет таким образом ориентироваться (пусть и не всегда последовательно) на те нравственные ценности, которые даны в религиозном тексте.

О том, что жизнь святых может и должна являться образцом абсолютно для всех верующих, говорит и автор рассматриваемого нами «Жития святой Ксении Петербургской». Ксения Петербургская – юродивая, канонизированная в конце XX в. Ее житие создавалось современным автором для современного читателя. Этот текст доступен в нескольких редакциях (краткой и более развернутой) на православных сайтах в сети Интернет (мы используем вариант, размещенный в библиотеке сайта «Православие и мир»). Вполне вероятно, агиограф мог намеренно выбрать такой способ изображения героини, чтобы ее поступки и их мотивы были понятны современному читателю – в том числе благодаря подробному описанию эмоций.

Как показывает работа с древнерусскими текстами [11], изображение движений человеческой души свойственно уже самым ранним агиографическим произведениям. Стремление изобразить святую, с одной стороны, как необычного человека, а с другой – как образец для подражания в земной жизни, видно в характеристике моральных качеств героини. Сначала автор показывает блаженную Ксению Петербургскую как обычную немощную женщину и сразу же противопоставляет этой физической слабости необыкновенную силу ее духа, которой, по мнению повествователя, могут быть наделены только очень немногие люди: «Мы можем лишь удивляться тому, как могла она, старенькая и слабая, выдерживать наши проливные, пронизывающие до костей, осенние дожди, наши страшные, трескучие морозы, когда на лету мерзнут птицы, и легко застывают хорошо одетые, молодые, здоровые люди! *Нужно было обладать или организмом сверхчеловеческим, или носить в себе такой сильный, внутренний, духовный жар, такую глубокую, несомненную веру, при которой и не-*

возможное становится возможным»[1]. Однако, описав героиню как человека выдающихся моральных качеств, автор делает оговорку и вспоминает других святых, которые творили на первый взгляд недоступные человеческому пониманию чудеса. В сравнении с ними поступки Ксении являются, как это ни парадоксально, вполне возможными для обычного человека: «*Но, припоминая великих угодников Божиих, которые силою своей веры творили дивные, непосильные и непонятые для человеческого ума чудеса,* ***не будем и подвиги Блаженной считать небывалыми, невозможными для человека во плоти***»[2]. Таким образом, автор хочет рассказать читателю о необыкновенном, но при этом во многом похожем на него человеке. На наш взгляд, в агиографических текстах автору вполне естественно уделять внимание описанию эмоционального состояния героев: изображение чувств способно вызвать больший отклик у читателя, чем простое изложение фактов жизни или прямое назидание.

Методом сплошной выборки из «Жития святой Ксении Петербургской» нами были выделены слова и сочетания слов, характеризующие эмоциональное состояние героев произведения. Материал может быть разделен на две группы по отношению героини жития: 1) языковые единицы, называющие эмоции, которые испытывала сама святая, и 2) вербализаторы эмоций, которые испытывали другие герои произведения или автор / читатели жития. В настоящей статье рассматриваются только единицы первой группы.

В последние десятилетия в современной лингвистике описание эмоций в целом представлены в работах В. И. Шаховского [14], Н. Д. Арутюновой [2], А. Вежбицкой [16], А. Д. Шмелева [14]. Лингвистический анализ способов передачи отдельных эмоций человека можно встретить в работах Б. Ч. Бижоева и М. Х. Токмаковой [3], О. В. Ереминой [8], Л. А. Калимуллиной [10], А. А. Осиповой и Н. В. Поздняковой [12], О. В. Франчук [13] и др.

В основу анализа изображения эмоций в житии Ксении Петербургской положена концепция Ю. Д. Апресяна, представленная в его статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» [1]. Согласно данной концепции, эмоции являются одной из восьми систем, из которых складывается человек [1, с. 42]. По словам Ю. Д. Апресяна, разные эмоции не только требуют разных наименований в языке, но и могут существенно различаться своими внешними проявлениями. Одни эмоции в гораздо большей степени требуют выхода в речи, другие – в поведении, действии, третьи – в жесте или мимике [1, с. 42].

При анализе лексики и фразеологии, обозначающей эмоциональные состояния, Ю. Д. Апресян предлагает обращать внимание на следующие моменты: 1) с помощью каких слов обозначается эмоция; 2) какие ситуации могут вызывать названную эмоцию; 3) как оценивается данное эмоциональное состояние; 4) с помощью каких языковых средств выражается степень интенсивности эмоции [1, с. 46–54]. Последний пункт, по словам академика Апресяна, очень важен, так как именно по этому признаку эмоции проявляют себя разнообразно и интересно [1, с. 54].

Самым интересным и самым необычным для рассматриваемого жанра, на наш взгляд, является в анализируемом житии характеристика такого чувства, как **любовь женщины к мужчине**. Ксения Петербургская приняла подвиг юродства после внезапной смерти мужа. Это потрясение заставило святую изменить свою жизнь.

Вопрос о том, может ли чувство любви быть отнесено к числу эмоций человека, не имеет однозначного ответа. Мы придерживаемся позиции, согласно которой любовь относится к числу так называемых высших эмоций, противопоставленных низшим, или базальным (радость, горе / печаль, страх, гнев, удивление, отвращение), т. е. врожденным. Высшие же эмоции возникают только у человека в связи с удовлетворением социальных и идеальных потребностей (интеллектуальных, эстетических и др.). Это более сложные социально детерминированные эмоциональные процессы, состояния и эмоционально-личностные качества, которые развиваются на основе базальных эмоций [9, с. 73]. Согласно этому же подходу, чувства являются устойчивыми эмоциональными отношениями человека к явлениям действительности, отражающими значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами [9, с. 671]. Таким образом, в данной статье понятия *чувства* и *эмоции* мы используем как синонимы.

Для описания любви героини к мужу используется причастие *любимый*, однокоренное с прямым наименованием эмоции – словом *любовь*: «*Причиной этой была совершенно неожиданная, внезапная смерть горячо* ***любимого****, цветущего здоровьем мужа Ксении Григорьевны – Андрея Феодо-*

1 Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785 (дата обращения: 06.06.2019)

2 Там же.

ровича Петрова»[3]. Ситуация, которая вызвала данное эмоциональное состояние, в тексте не характеризуется, т. к. она не является важной для автора: житие святой, а не обычной женщины начинается после смерти любимого человека, однако интенсивность чувства охарактеризована: наречие *горячо* в данном контексте выступает в роли наречия меры и степени, причем оно используется при каждом упоминании покойного супруга святой: «*И, действительно, неожиданная смерть* ***горячо любимого*** *мужа…»*[4]). Реакция героини на смерть супруга описана подробно. Ксения потеряла способность радоваться и полностью изменила свою жизнь, как бывает при потере только очень дорогого человека: «*Этот неожиданный удар так сильно поразил Ксению Григорьевну, так повлиял на молодую 26-летнюю, бездетную вдову, что она* ***сразу как бы забыла все земное, человеческое, все радости и утехи****, и вследствие этого многим казалась как бы сумасшедшей, лишившейся рассудка...»*[5]. Наконец, автор жития говорит, что супруг был для молодой женщины смыслом ее существования: «*И, действительно, неожиданная смерть горячо любимого мужа****, в котором сосредоточивалась вся цель и весь интерес ее жизни,*** *ясно показала Ксении, сколь непрочно и сколь суетно земное участие*»[6]. Таким образом, любовь женщины к мужчине показана в житии как всеобъемлющее чувство высокой степени интенсивности, при этом ведущую роль в его характеристике играют не прямые наименования, а описания его проявления. Автор прежде характеризует не внешнее, а внутренне проявление чувства, движения души героини.

Есть в житии и описание проявления **отчаяния** героини: потеряв любимого, Ксения Петербургская полностью отказывается от привычного образа жизни состоятельной женщины. Но автор трактует причину такого поведения не как отчаяние, а как страстное желание посвятить себя служению Христу: «*...имущество свое раздала бедным, дом подарила г-же Антоновой, а сама осталась решительно ни с чем, дабы ничто уже не служило ей препятствием к достижению истинного счастья на небе, в Боге*»[7].

Другим подробно охарактеризованным в житии чувством святой Ксении является **гнев**. В его описании представлены все выделенные Ю. Д. Апресяном аспекты изображения эмоции: прямое наименование эмоции, указание на причины ее возникновения, описание ее внешнего проявления и ее характеристика. Данная эмоция в тексте жития обозначена существительным *гнев*, имеющим при себе определение *страшный*: «*Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в* ***страшном гневе***»[8]. Прилагательное *страшный* в данном контексте имеет значение ‘выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный’ [4] и является указанием на степень интенсивности данной эмоции. Одновременно, на наш взгляд, можно говорить об определенном синкретизме в семантике данного определения. Реакция окружающих на гнев Ксении Петербургской говорит о том, что они по-настоящему испугались, увидев ее в таком состоянии (хотя автор и говорит о том, что испугало их поведение не святой, а издевавшихся над ней детей: «*Жители Петербургской стороны, увидя Блаженную в* ***страшном гневе****,* ***пришли в ужас*** *от поступка беспризорных, злых детей*»[9]), а значит, в тексте реализуется и значение ‘вызывающий, внушающий чувство страха’ [4]. Можно предположить, что это прилагательное было выбрано автором неслучайно. Гнев, или страстная раздражительность, рассматривается в христианстве как один из основных человеческих пороков [7], и святой должен всеми силами избегать переживания таких эмоций. Автор жития не может не указать на нежелательность данной эмоции для героини и использует многозначное слово *страшный*, позволяющее одновременно дать оценку чувству и указать на интенсивность его проявления. Отрицательная оценка чувства гнева создается и с помощью указания на его редкость, несвойственность этой эмоции для святого человека: используется ограничительная частица *лишь* и наречие *однажды*: «***Лишь однажды,*** *когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе*»[10].

Характеризуя причины, которые вызвали данное эмоциональное состояние, словно пытаясь

[3] Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785 (дата обращения: 06.06.2019).

[4] Там же

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

оправдать свою героиню, автор подчеркивает, что гнев явился следствием долгих издевательств, а не было постоянной чертой характера блаженной: «*Уличные мальчишки, завидя юродивую,* ***по обычаю*** *стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная,* ***по обычаю****, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничились одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность Блаженной, они наряду с издевательствами стали бросать в нее грязью, камнями... Тогда, по-видимому, и у Блаженной не хватило терпения*»[11]. Автор дважды использует предложно-падежное сочетание *по обычаю*, подчеркивая терпение и кротость святой, убеждая читателя в том, что несчастная женщина долго смиренно переносила мучения и только в единственном случае не смогла не поддаться гневу.

Характеристика интенсивности проявления гнева осуществляется в житии несколькими способами. Во-первых, это уже названные нами определение *страшный* и наименование другой эмоции – *ужас*, который испытали прохожие, видя святую в гневе. Во-вторых, для характеристики интенсивности гнева Ксении Петербургской автор использует сравнение: «***Как вихрь*** *бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своею палкою, которую всегда она носила с собою*»[12].

Интересно, что наиболее подробное описание в анализируемом житии получили две эмоции, которые традиционно не свойственны святым: любовь к супругу (одним из проявлений которой является отчаяние из-за его потери) и гнев. Это, на наш взгляд, подтверждает предположение о том, что описание эмоционального состояния героев житий помогает приблизить их к читателю, сделать их поступки понятными простому человеку. Жизнь святого, испытывавшего те же чувства, что обычные люди, но сумевшего подчинить их своей воле, будет более убедительным образцом спасения души, чем жизнь человека, безупречного от рождения.

Подробно описана и **любовь** Ксении Петербургской **к ближнему,** упоминаемая в житии дважды. В первом случае названо само чувство (при помощи глагола *любила*) и показаны его внешние проявления: «*Эта Гайдукова принадлежала к числу тех лиц, которых* ***любила*** *и иногда посещала раба Божия Ксения*»[13]. Данный глагол не имеет при себе наречий, которые бы указывали на степень интенсивности чувства, о ней мы можем судить по словам и поведению святой. Е. Д. Гайдукова пригласила Ксению Петербургскую в гости, но не предложила угощения, сославшись на то, что ничего не успела приготовить, однако святая заметила, что в печи стоит утка. Смутившись, хозяйка стала вынимать угощение, но «*Ксения тотчас же остановила ее: “Нет, нет, что ты? Не надо, не надо, я не хочу утки. Ведь я знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы. Зачем же его сердить?”*»[14]. *Кобыльей головой* святая называла мужа Гайдуковой, пьяницу и грубияна. Слова Ксении Петербургской являются проявлением ее любви к приятельнице: она позаботилась о том, чтобы женщина не подверглась наказанию со стороны мужа, пожертвовав при этом своим обедом. Эти же слова являются и косвенным описанием интенсивности испытываемой эмоции: от собственного комфорта обычно отказываются в пользу того, кого сильно любят. Таким образом, проявление любви к ближнему и характеристика силы этой эмоции в житии представлены вместе и при этом не называются прямо; выводы о силе этого чувства можно сделать на основе анализа слов и действий героини.

В другом случае любовь к ближнему охарактеризована менее подробно с точки зрения объема описания, однако полно с точки зрения отображения различных аспектов эмоции: «*Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце*»[15]. В этом предложении одновременно представлены наименование эмоции (*любила*), степень ее интенсивности (*очень*) и причины возникновения (*за кроткий, тихий нрав и доброе сердце*). Автор жития, таким образом, владеет всем арсеналом средств описания движений человеческой души и использует более развернутые или более лаконичные характеристики в зависимости от того, какие задачи он решает в конкретный момент (в частности, во втором случае его внимание сосредотачивается на том, как сложилась судьба молодой девушки благодаря помощи святой, а не на чувствах самой святой).

Детально автор жития пишет о том, была ли Ксения Петербургская **счастлива**. Для характеристики этого эмоционального состояния в тексте использованы его прямое наименование, указание на степень его интенсивности и внешние признаки его проявления. Для обозначения эмоции использовано имя прилагательное *счастлива*, при котором находится наречие *вполне* (‘совершенно, полно-

[11] Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785 (дата обращения: 06.06.2019).

[12] Там же

[13] Там же.

[14] Там же

[15] Там же.

стью, в полной мере' [4]), указывающее на степень проявления чувства: «*Несмотря на это, она была* ***вполне счастлива***»[16]. К числу средств характеристики внешних проявлений эмоции относятся описание поведения святой и выражения ее лица: «***Как птица небесная,*** *летала она Петербургской стороне днем, желая всем и каждому оказать какую-нибудь услугу <…>* ***Кротость, смирение, доброта*** *постоянно* ***сияли*** *на изможденном трудами лице ее*»[17]. Глагол *летать* здесь использован в значении 'двигаться, передвигаться легко и быстро' [4], значение легкости, необремененности земными заботами усиливает сравнение *как птица небесная*. Глагол *сиять* в значении 'обнаруживать своим видом, выражением лица, улыбкой и т. п. чувство радости, счастья, удовольствия' [4] в сочетании с существительными *кротость, смирение, доброта* указывает на внешнее проявление счастья и одновременно – на источник этого счастья, которым является искренняя любовь к Богу и людям.

И только одно эмоциональное состояние Ксении Петербургской в рассматриваемом житии не названо, а показано через его внешние проявления, поведение героини. Это **горе** из-за предчувствуемой святой смерти императора Иоанна Антоновича и **сочувствие** ему. Для его характеристики автор использует словосочетания *горько плакать* и *сильнее плакать*, а также указание на продолжительность этого состояния (*три недели, ежедневно, целыми днями*): «***За три недели*** *до этого печального события, Блаженная Ксения стала* ***ежедневно и целыми днями горько плакать*** *<…> Блаженная <…>* ***еще сильнее начинала плакать****. Лишь* ***три недели спустя****, когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что <…> Блаженная предсказывала страдальческую кончину некогда Императора Иоанна VI Антоновича*»[18]. Описание внешнего проявления эмоции одновременно является и указанием на его интенсивность: продолжительность и сила плача не только являются знаком горя, но и свидетельствуют о силе эмоции.

Изображение эмоций святой в «Житии святой Ксении Петербургской» отличается полнотой и разнообразием характеристик. Это непосредственные наименования чувств, описание их внешних и внутренних проявлений, характеристика их интенсивности и причин их возникновения. Развернутость или лаконичность описания чувств в произведении зависят от задач автора: сосредотачивая внимание на эмоциях героини, он описывает их детально, при этом основное внимание уделяет поступкам. Интересно, что подробное описание в житии получают чувства, более свойственные не святым, а «земным» людям – супружеская любовь и гнев. Наличие их подробной характеристики в тексте произведения позволяет сблизить читателя и героиню, показать ее как обычного человека, ставшего святым благодаря искренней вере в Бога и потому способного служить примером для подражания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры, 1998. 896 с.

3. Бижоев Б. Ч., Токмакова М. Х. Гендерная специфика выражения эмоций адыгскими женщинами (на материале кабардино-черкесского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 2. С. 126–131.

4. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] //. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года Gramota.ru : [сайт]. [2000–2019]. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 06.06.2019)

5. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.

6. Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М. : Мартис, 1997. 325 с.

7. Гнев : православная энциклопедия [Электронный ресурс] : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия»: [сайт]. [1998–2014]. URL: http://www.pravenc.ru/text/165179.html (дата обращения: 06.06.2019)

8. Еремина О. В. К вопросу об эмоционально-экспрессивном потенциале оценочной семантики ряда речевых глаголов английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 3. С. 86-89.

9. Зинченко В. П., Мещеряков Г. П. Большой психологический словарь. М.: АСТ; АСТ-Москва; СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 811 с.

10. Калимуллина Л. А. Семантическая характеристика эмотивной лексики (на материале памятников древнерусской письменности) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(I). С. 575–579.

[16] Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [сайт]. [2011–2019]. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785 (дата обращения: 06.06.2019).

[17] Там же.

[18] Там же.

11. Мишина Л. Н., Осипова А. А., Франчук О. В. К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе // Перспективы науки и образования. 2018. № 6 (36). С. 164-172.

12. Осипова А. А., Позднякова Н. В. Особенности сюжета и языка жития Иакова Черноризца (Постника) (Об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. Т. 1. № 59. С. 223–228.

13. Франчук О. В. Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (песни, пляски) // От языковой картины мира средневекового славянина к современной языковой картине мира / под ред. С. Г. Шулежковой: в 2-х ч. Ч. 1. Магнитогорск : МаГУ, 2007. С. 35-41.

14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2, испр. и доп. М.: URSS, 2008. 208 с.

15. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.

16. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

L. N. Mishina *(Magnitogorsk, Russia)*

SPECIFICS OF THE HUMAN EMOTIONAL CONDITION DESIGNATION IN "SAINT XENIA OF SAINT PETERSBURG'S LIFE"

Abstract. The research of the person in the last decades became one of the most relevant directions of the modern humanity. In the center of attention of scientists there is a person in all his manifestations including his emotional state. Emotions as a way of interaction of the person with the world draw attention of psychologists and physiologists; they attract not smaller interest also of the linguists seeking to show how in language this party of our life is reflected. Material selection of a research is dictated by interest which at the end of XX – the beginning of the 21st century is attracted in the Russian society by orthodox church, its opportunity to act as a moral guideline. The relevance of a research is defined by these two factors.

Lives of Saints are the least rated genre of ecclesiastical writing which authors can use language, close to informal conversation, that does it clear and close to the reader. The description of emotions as the states peculiar to one and all people, is capable to help the reader to see heroes of lives as ordinary people who live near it, and in such a way to create an image ideal, but live, but not the "schematic person" whose course of life can serve as a role model. The analysis of this layer of lexicon in the text of "Saint Xenia of Saint Petersburg's life" is carried out with use of methods of the contextual and semantic analysis. The research allowed to draw a conclusion that the emotional condition of the heroine of the hagiographical work has the same external manifestations and often the same reasons, as at potential readers of this work, and helps to apprehend her as the terrestrial, become to Saints thanks to sincere belief person.

Keywords: hagiography, life, emotion, emotional state, emotional lexicon, estimated words

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya, *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1995, no. 1, pp. 37-67.

2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. Moscow, Yaz. rus. kul'tury, 1998, 896 p.

3. Bizhoev B. Ch., Tokmakova M. Kh. Gendernaya spetsifika vyrazheniya emotsii adygskimi zhenshchinami (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka), *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2018, vol. 2, pp. 126–131.

4. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] / Gl. red. S. A. Kuznetsov. Pervoe izdanie: Saint-Petersburg, Norint, 1998, Publikuetsya v avtorskoi redaktsii 2014 goda Gramota.ru : [sait]. [2000–2019]. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/.

5. Vendina T. I. Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka, Moscow, Indrik, 2002, 336 p.

6. Vereshchagin E. M. Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodche-skaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov, Moscow, Martis, 1997, 325 p.

7. Gnev : pravoslavnaya entsiklopediya [Elektronnyi resurs] : Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya Entsiklopediya»: [sait]. [1998–2014]. URL: http://www.pravenc.ru/text/165179.html

8. Eremina O. V. K voprosu ob emotsional'no-ekspressivnom potentsiale otsenochnoi semantiki ryada rechevykh glagolov angliiskogo yazyka, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, vol. 3, pp. 86-89.

9. Zinchenko V. P., Meshcheryakov G. P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar', Moscow, AST; AST-Moskva; Saint-Petersburg, Praim-Evroznak, 2008, 811 p.

10. Kalimullina L. A. Semanticheskaya kharakteristika emotivnoi leksiki (na materiale pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti), *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 1(I),

pp. 575–579.

11. Mishina L. N., Osipova A. A., Franchuk O. V. K voprosu o rabote s tekstami drevnerusskikh zhitii v srednei shkole, *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2018, no. 6 (36), pp. 164-172.

12. Osipova A. A., Pozdnyakova N. V. Osobennosti syuzheta i yazyka zhitiya Iakova Chernoriztsa (Postnika) (Ob odnom neobychnom otryvke iz Suprasl'skoi rukopisi), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2018, vol. 1, no. 59, pp. 223–228.

13. Franchuk O. V. Predstavlenie o vesel'e v yazykovoi kartine mira drevnikh slavyan (pesni, plyaski), Ot yazykovoi kartiny mira srednevekovogo slavyanina k sovremennoi yazykovoi kartine mira / pod red. S. G. Shulezhkovoi: v 2-kh ch. vol. 1, Magnitogorsk, MaGU, 2007, pp. 35-41.

14. Shakhovskii V. I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. Izd. 2, ispr. i dop. Moscow, URSS, 2008, 208 p.

15. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost', Moscow, Yaz. slavyanskoi kul'tury, 2002, 496 p.

16. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

Мишина Л. Н. Особенности обозначения эмоционального состояния человека в «Житии святой Ксении Петербургской» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 58-64.

Mishina L. N. Specifics of the Human Emotional Condition Designation in "Saint Xenia of Saint Petersburg's Life", Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 58-64.

Сведения об авторе

Мишина Людмила Николаевна **-** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; euleowl@gmail.com.

Author:

Lyudmila N. Mishina, Docent, Candidate of Phlological Sciences, Docent of Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); euleowl@gmail.com.